

КЛАЙПЕДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ксения Казаринова

СЕМИОТИКА ГОРДОСТИ

Резюме докторской диссертации
Гуманитарные науки, филология (Н 004)

Клайпеда, 2020

Диссертационное исследование проводилось в 2014–2020 гг. в Клайпедском университете в объединенной докторантуре Университета Витаутаса Великого, Клайпедского университета, Шяуляйского университета, Института литовского языка по предоставленному указу министра просвещения, науки и спорта Литовской Республики праву докторантуры (указ Nr. V-160 от 22 февраля 2019 г.).

Научный руководитель

профессор доктор Рома Бончкуте (Клайпедский университет, гуманитарные науки, филология Н 004).

Защита докторской диссертации проводится в ученом совете по Филологии Университета Витаутаса Великого, Клайпедского университета, Шяуляйского университета и Института литовского языка:

Председатель

доктор доцент Индре Жакавичене (Университет Витаутаса Великого, гуманитарные науки, филология, Н 004);

Члены комиссии:

профессор, реабилитированный доктор Кястутис Настопка (Вильнюсский университет, гуманитарные науки, филология, Н 004);

доктор доцент Даля Саткауските (Институт литовской литературы и фольклора, гуманитарные науки, филология, Н 004);

доктор доцент Мариюс Шидлаускас (Клайпедский университет, гуманитарные науки, филология, Н 004);

профессор, реабилитированный доктор Сергей Темчин (Институт литовского языка, гуманитарные науки, филология, Н 004).

Защита докторской диссертации будет проводиться на открытом заседании ученого совета по Филологии 17 сентября 2020 г. в 11.00 часов в аудитории им. д-ра А. Якулиса (106) на Факультете социальных и гуманитарных наук Клайпедского университета.

Адрес: ул. Саломеи Нерис 5, LT-92227, Клайпеда, Литва.

Резюме докторской диссертации разослано 17 августа 2020 г.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеках Института литовского языка, Клайпедского университета, Литовской национальной библиотеке им. Мартинаса Мажвидаса, Университета Витаутаса Великого, Шяуляйского университета.

KLAIPĖDOS UNIVERSITETAS

Ksenija Kazarinova

PUIKYBĖS SEMIOTIKA

Daktaro disertacijos santrauka
Humanitariniai mokslai, filologija (H 004)

Klaipėda, 2020

Disertacija rengta 2014–2020 metais Klaipėdos universitete pagal Vytauto Didžiojo universitetui kartu su Klaipėdos universitetu, Šiaulių universitetu, Lietuvių kalbos institutu Lietuvos Respublikos švietimo, mokslo ir sporto ministro 2019 m. vasario 22 d. įsakymu Nr. V-160 suteiktą doktorantūros teisę.

Mokslinė vadovė

prof. dr. Roma Bončkutė (Klaipėdos universitetas, humanitariniai mokslai, filologija H 004).

Mokslo daktaro disertacija ginama Vytauto Didžiojo universiteto, Klaipėdos universiteto, Šiaulių universiteto, Lietuvių kalbos instituto Filologijos mokslo krypties taryboje:

Pirmininkė

doc. dr. Indrė Žakevičienė (Vytauto Didžiojo universitetas, humanitariniai mokslai, filologija, H 004);

Nariai:

prof. habil. dr. Kęstutis Nastopka (Vilniaus universitetas, humanitariniai mokslai, filologija, H 004);

doc. dr. Dalia Satkauskytė, (Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, humanitariniai mokslai, filologija, H 004);

doc. dr. Marijus Šidlauskas (Klaipėdos universitetas, humanitariniai mokslai, filologija, H 004);

prof. habil. dr. Sergejus Temčinas (Lietuvių kalbos institutas, humanitariniai mokslai, filologija, H 004).

Daktaro disertacija bus ginama viešame Filologijos mokslo krypties tarybos posėdyje 2020 m. rugsėjo 17 d. 11.00 val. Klaipėdos universiteto Socialinių ir humanitarinių mokslų fakulteto dr. A. Jakulio (106) auditorijoje.

Adresas: Salomėjos Nėries g. 5, LT-92227, Klaipėda, Lietuva.

Daktaro disertacijos santrauka išsiųsta 2020 m. rugpjūčio 17 d.

Disertaciją galima peržiūrėti Klaipėdos universiteto, Lietuvių kalbos instituto, Lietuvos nacionalinėje M. Mažvydo, Šiaulių universiteto ir Vytauto Didžiojo universiteto bibliotekose.

Введение. Настоящая докторская диссертация посвящена семиотическому изучению страсти гордости¹. Гордость – это один из наиболее сильно влияющих на человеческое сознание и при этом наименее поддающихся контролю факторов. Гордость легко зарождается, но не всегда распознается, она меняет человеческое сознание и разрушает социальные отношения. Поэтому неудивительно, что данная страсть является предметом пристального внимания религии, философии, психологии, этики, социологии и т.д. В художественной литературе она также нередко становится темой для размышлений. Литература, будучи одной из форм культуры, не только сохраняет в своей памяти различные человеческие и социальные явления, но и комментирует их, акцентирует различные аспекты, оценивает. Поэтому литература является удобной платформой для анализа любой страсти, в том числе и гордости – изучаемая страсть не теряет в ней своей уникальности, но при этом уже этически «адаптирована» для анализа: снабжена культурной оценкой, введена в поле моральной таксономии. Итак, **объектом** данной работы является страсть гордости в литературе.

В различных культурах феномен гордости часто рассматривается как «порок», в той или иной степени присущий каждому человеку, однако несмотря на это определения данной страсти разнятся и зачастую достаточно неясны. Словарные статьи дают лишь самую общую, весьма схематичную картину. В литовских словарях создается замкнутый круг: гордость описывается через гордыню, гордыня – через гордость: «Гордыня – 3)² гордость,

¹ В русском языке слова гордость и гордыня часто используются синонимически, хотя имеют семантическое различие: гордыня, в отличие от гордости, характеризуется большим патемическим накалом. Гордость же иногда воспринимается даже с положительной точки зрения. В данной работе внимание уделяется именно страсти гордыни и разным ее аспектам и формам интенсивности. Но поскольку слово гордыня является устаревшим, в данном автореферате для обозначения исследуемой страсти используется слово гордость как более универсальная лексема.

² Три из четырех значений этого слова в литовском языке выражают сему красоты: 1) красота; 2) красивый предмет; 4) празднество.

превозношение»³, а «гордость» – это 1) гордыня, превозношение; 2) хорошее мнение о себе; уверенность»⁴. Более развернутое определение предлагается в словарной статье к прилагательному *гордый (išdidus)*: „1) чувствующий свою ценность, превосходство; 2) относящийся к другим с презрением»⁵. В толковых словарях на других языках (русск.,⁶ англ.,⁷ франц.⁸) гордость также становится отправной точкой для определения гордыни, но словарные статьи более детальны. Гордость объясняется как чересчур высокое мнение о себе и презрение к другому, а гордыня – как чрезмерная гордость. Таким образом, словарные определения фиксируют три основных элемента гордыни: отношение к *себе*, отношение к *другому* и избыточный характер этих отношений. Именно эти три компонента, соединяясь, составляют страсть гордости. Эта трехчастная схема становится отправной точкой для дальнейшего исследования изучаемой страсти.

Однако как и любая страсть, гордость непостоянна, она пульсирует, безостановочно развивается и меняется, а указанные три компонента могут по-разному чередоваться, их интенсивность может колебаться. Страсть гордости достаточно сложно «поймать» и объяснить даже в условно статичном литературном тексте. Для

³ *Lietuvių kalbos žodynas*, X tomas, red. Z. Jonikaitė, Vilnius: Mokslas, 1976, 851. Ср.: *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, IV leidimas, red. Stasys Keinys, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2000, 627.

⁴ *Lietuvių kalbos žodynas*, IV tomas, red. Z. Jonikaitė, Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1957, 171.

⁵ *Lietuvių kalbos žodynas*, IV tomas, 171.

⁶ Сергей Ожегов, *Словарь русского языка*, под ред. Н. Ю. Шведовой, Москва: Русский язык, 1988, 113;

Ефремова: Современный толковый словарь русского языка, под ред. Т. Ефремовой, Москва: АСТ, 2006, [дата просмотра 2015-03-17]. <<http://www.slovopedia.com/15/192-0.html>>.

Большой толковый словарь современного русского языка, в 4 томах, под ред. Д. Ушакова, том I, Москва, 2000, [дата просмотра 2010-05-05]. <<http://www.slovopedia.com/3/192-0.html>>.

⁷ *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, chief Editor Sally Wehmeier, 7th edition, Oxford University Press, 2005, 1196.

⁸ *Le Petit Robert: dictionnaire de la langue française*, Paris, 1992, 1322.

анализа таких явлений одним из наиболее удачных методов представляется семиотика страстей. В диссертации будет подробно представлена данная отрасль семиотики, будет использован ее инструментарий, что позволит достичь **цели** данной работы – выделить основные форманты гордости, найти и сконструировать универсальную схему этой страсти.

Методология работы определена ее целью. В 1974 г., еще только работая над созданием семиотики страстей, Альгирдас Юлюс Греймас отметил, что цель семиотики страстей как метода – выделить «универсальное», или «первичное», модальное оснащение изучаемой страсти, выйдя за пределы поверхностных структур, таких как особенности проявления страсти, ее оценка, высказанная той или иной культурой, и т.п. Это модальное оснащение «*может* [выделено Греймасом – К.К.] получить чувственное выражение в той или иной культуре»⁹, однако в то же время оно может восприниматься не как страсть, а всего лишь как некое состояние, предрасположенность¹⁰. Об этом позже Греймас напишет в *Семиотике страстей*, иллюстрируя метаморфозу в восприятии такого явления как великодушие. От античного «величия», «мужественности» «произошел переход к хотению, в том смысле, в котором великодушный человек есть тот, кто «дает больше, чем должен»¹¹. Позже великодушие стало связываться с состраданием, а потом – перестало восприниматься как некое патемическое состояние, а приняло форму некоей компетенции¹². Однако при этом мы говорим об изменениях в *восприятии* данного явления, а не о его трансформации.

⁹ Algirdas Julius Greimas, [Pastabos apie pasijas], *Baltos lankos* 30, 2009, 202. Keštučio Nastopkos vertimas iš «Notas manuscritas de A. J. Greimas». In Algirdas Julien Greimas: Testemunhos. Idealizado para o colóquio «Unidade e pluralidade: Em torno da obra de A. J. Greimas», realizado em São Paulo, de 31 de agosto a 2 de setembro de 1994. Ed. Ana Cláudia de Oliveira. São Paulo, Escola de Comunicação, Editora da Pontifícia Universidade Católica de São Paulo, 1994, 16–35.

¹⁰ Greimas 2009, 202.

¹¹ Альгирдас Юлюс Греймас, Жак Фонтаний, *Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души*, Москва: Издательство ЛКИ, 2007, 166.

¹² Greimas 2009, 202.

Таким образом, семиотика страстей стремится изучать «модальные устройства, вне зависимости от их дискурсивного выражения»¹³, т.е. вне зависимости от тех чувственных форм и значений, которыми их снабжает культура. В данной работе выдвинута схожая цель – найти модальное ядро гордости, вне зависимости от того, какое значение его выражению придается в культуре. Именно для этой цели в работе исследуется несколько культурных пластов, абсолютно различных по своему аксиологическому наполнению.

Однако это лишь один из способов изучения страсти. Другой путь, не менее интересный, как раз состоит в том, чтобы выделить культурные таксономии, изучить социальный контекст проявления страсти, проанализировать точки столкновения патемического и принимающего дискурсов. В своем фундаментальном труде *Семиотика страстей* (1991)¹⁴ Греймас и Жак Фонтаний немало внимания уделили именно культурным операциям узнавания и оценивания страсти. В данной работе такой подход также активно используется.

Эти два способа изучения страсти перекликаются с уникальной способностью литературы, о которой здесь уже было упомянуто – фиксировать саму суть явления, его смысловое ядро, с одной стороны, и при этом вводить его в пространство культурных таксономий, с другой. Таким образом, это еще одна причина, по которой художественная литература оказывается подходящим полем для изучения страсти гордости.

Но все же на практике такой анализ достаточно сложно осуществим. Прежде всего, сама семиотика страстей неоднородна, в ней присутствуют почти противоречивые взгляды (напр., мнение, что страсть – это, прежде всего, модальная структура *vs* мнение, что страсть – это, в первую очередь, чувственное *проживание*), которые порой достаточно сложно соединить без ущерба для исследования. При этом, данная отрасль семиотики все еще недостаточно разработана: *Семиотику страстей* заканчивал уже не Греймас, а Фонтаний, который представлял эту дисциплину иначе, чем

¹³ Greimas 2009, 202.

¹⁴ Algirdas Julien Greimas, Jacques Fontanille, *Sémiotique des passions. Des états de choses aux états d'âme*, Paris: Éditions du Seuil, 1991.

Греймас. Иные последователи данной отрасли семиотики также предлагают свое видение. Таким образом, о цельности во взглядах и подходах говорить невозможно. Во-вторых, что касается подбора источников, то он должен быть систематичным, поддерживающим цельность данной работы, но при этом выбранные тексты должны отражать различные аспекты изучаемого явления. В-третьих, следует подбирать лишь тексты высокой художественной ценности, но при этом иметь в виду, что подходы к их анализу могут сильно варьироваться (к примеру, нельзя применять идентичные интерпретационные механизмы к *Илиаде* Гомера и притчам Библии). Таким образом, для достижения цели данной работы следует выполнить следующие **задачи**:

- изучить семиотику страстей как метод и применить его к анализу гордости;
- выполняя семиотический анализ, выделить модальную структуру гордости;
- представить примеры различных сюжетов о гордости в отличных по жанровому, хронологическому и аксиологическому признакам литературных текстах и выполнить анализ данных отрывков;
- проверить, применима ли универсальная схема гордости для различных форм ее выражения.

Цель и задачи данной работы определили и ее **структуру**. Для более детального изучения различных срезов страсти гордости работа разделена на четыре части.

Первая часть работы посвящена описанию метода семиотики страстей, разбору ее особенностей, терминологии, представлению различных течений внутри этой дисциплины. Также делаются первые шаги к анализу страсти гордости: выделяются основные компоненты этой страсти, демонстрируются модальные механизмы, отвечающие за динамику данной страсти. За методологическую основу взяты универсальные схемы, представленные в *Семиотике страстей*. Показано, что гордость состоит из трех основных компонентов – а) отношение к *себе*, б) отношение к *другому*, в) избыточное эмоциональное вовлечение в характер этих отношений. Комбинации этих компонентов создают различные формы внешнего выражения гордости – от болезненного стыда до того, что

называется дьявольской гордыней. После анализа ведущих модальностей гордости выполнено и создание макросеквенции, т.е. универсальной схемы развития и становления гордости. В этой схеме отражено распределение модальностей и смена патемических ролей в процессе утверждения страсти.

В данной части работы выполнен и конкретный анализ: возникновение гордости и ее первичные формы описаны и продемонстрированы на примере библейского отрывка, посвященного грехопадению первых людей (Быт 3.1–6). Несмотря на огромное количество литературных текстов, где гордость проявляется во всей своей полноте, именно данный библейский отрывок кажется наиболее подходящим для этой стадии работы. Благодаря емким архетипическим формам он, несмотря на свою лаконичность, дает полную картину всего пути развития страсти: от нейтрального состояния субъекта до активного, патемически заряженного, действия. Анализ показывает, что первичное *знание / верование* (в страсти гордости эти модальности переходят одна в другую) своих компетенций (либо – возможных компетенций) направляет субъекта по ошибочному пути: принимая эту валентность, субъект пытается достичь желанной полноты через конечные объекты, а также смещает центр аксиологической системы. Повинуясь *хотению*, возникшему вслед за первичными модальностями, субъект постепенно начинает устанавливать *свои* ценностные критерии, главная цель которых – подкрепить и / или оправдать его состояния и поступки.

Вторая часть работы посвящена изучению особенностей античного взгляда на изучаемую страсть. Античные источники введены в данное исследование по двум причинам. Во-первых, как и отмечалось ранее, для полноты анализа требуется изучение страсти с разных аксиологических перспектив. Вне сомнения, для этой цели подошли бы и другие, более специфические тексты, вроде мусульманских сур. Но все же – и это вторая причина, по которой мы остановились именно на античности, – чтобы семиотический анализ не превратился в компаративистский, желательно на данном этапе исследования оставаться в рамках европейской культуры. Это тем более актуально, что изучение античного наследия позволяет выделить культурные универсалии, перешедшие затем и в позднюю европейскую культуру.

Итак, представление античных мировоззренческих особенностей позволяет продолжить семиотический разбор гордости, но уже с иного ракурса. Как и во многих архаичных культурах, в антике на первое место ставится не отдельный субъект, а коллектив как целое. Субъект пребывает под наблюдением социума, его поступки подлежат оценке общества. Это определяет важность актанта-наблюдателя в схеме «античной» гордости: именно он интерпретирует поведение субъекта как страсть или как норму, он закрепляет за субъектом патемические роли. Эта особенность позволила детальнее проработать в данной работе семиотические этапы сенсублизации и морализации, т.е. процессы, которые имеют место, когда страсть получает дискурсивное выражение и тем самым попадает в пространство культуры.

Специфику античного мировоззрения определяет пантеистическое сознание, в котором все и вся понимается как некое единое и прекрасное целое (космос). То, что рушит или повреждает эту гармонию, воспринимается как дерзость (греч. *ἕβρις* – «дерзость») или, иными словами, гордыня. Именно слово *hybris*, наряду с *hyperefania* (*ὑπερηφανία* – «гордость»), наиболее часто используется для обозначения самопревозношения. Таким образом, под гордыней в античной культуре понимается *неумение быть*, т.е. неумение или нежелание пребывать в общей гармонии.

При этом важно понимать: это не значит, что античный человек не знал страсти гордости так, как мы ее понимаем, или испытывал ее по-другому. Несомненно, в античном обществе имело место превозношение, унижение и т.п. Достаточно вспомнить некоторые греческие мифы в пересказе Овидия. Но *культурное* прочтение этой страсти было иным. Арахной в ее состязании с Афиной безусловно движет страсть гордости, но постыдна и наказуема она не потому, что противоречит моральному кодексу, а потому, что нарушает гармоническую иерархию античного мироустройства. Также и женихи в *Одиссее* получают наказание именно за попрание социальных норм, за то, что перешагивают поведенческие рамки: являясь *гостями* в доме Одиссея, они не придерживаются тех норм, что обязательны для гостей.

Итак, очевидно, что в данной культуре действует своя, уникальная аксиологическая система, поэтому модальные выкладки макросеквенции, опирающиеся на христианскую культуру XX–XXI

вв., в ней уже недействительны. Таким образом, специфика «античной» гордости потребовала создания еще одной макросеквенции, в которой основой патемической эволюции является не ситуация (имплицитного) сравнения, как было предложено в теоретической части работы, а столкновение между внешним и внутренним кодексом.

Третья часть исследования посвящена работе с христианскими источниками, открывающими еще один ракурс на страсть гордости. Если в семиотике гордость (как и любая другая страсть) понимается как некое *значение*, могущее быть подвергнуто расшифровке, если в антике гордость – это нарушение общей гармонии, то в христианстве – это, в первую очередь, грех, отделяющий человека от Бога. Христианство выстраивает не только горизонталь *человек–человек*, но и вертикаль: *человек – Бог*. В данной работе представлены и практически применены к анализу гордости схемы, созданные аскетической практикой. Первая схема выделяет общий корень всех грехов – самолюбие. Гордость, наряду с *похотью очей* и *похотью плоти* (1Ин 2.16), понимается как одна из основных его форм. В поздней аскетической практике были выделены взаимосвязи между грехами, создано так называемое *древо страстей*. В рамках данной работы выполнен перевод этой схемы на литовский язык (ранее в Литве таких переводов не осуществлялось).

Вторая схема призвана изложить поэтапное развитие любого греха: начинаясь с *прилога*, т.е. некоей мысли, образа, ощущения, грех крепчает и укореняется в человеке, пока не переходит в *страсть*. При этом решающую роль в развитии греха играет свободное согласие человека, его заинтересованность грехом. В данной части работы снова исследуется библейский отрывок из книги Бытия, посвященный описанию грехопадения первых людей (Быт 3.1–6), но на этот раз – с христианской точки зрения. Для анализа данного текста применяются две вышеописанные схемы: показано, что в первом грехе присутствовали все три формы самолюбия, а также поэтапно рассмотрено становление страсти гордости, постепенное возрастание желания *быть, как боги* (Быт 3.5). При становлении греха меняются и некоторые свойства человека. Так, трансформируется *волевая* способность, затемняется и становится на службу греху *разум*.

В работе кратко представлен и взгляд на гордость, формируемый в Священном Писании. Показано, что гордость в Библии понимается шире, нежели классическое превозношение. На примерах из Ветхого Завета показаны различные формы греховного поведения, которое, тем не менее, связывается с гордостью. Это происходит в силу того, что в Библии любой грех понимается как угодение *своим* страстям, сопровождаемое сознательным отвержением Бога. Традиция ветхозаветного понимания гордости переходит и в Новый Завет, однако новозаветный взгляд на гордость имеет и важные отличия. В первую очередь, показана опасность не только самого греха, но и греховной мысли. Во-вторых, особо выделяется опасность гордости в отношениях с другим человеком. Гордость по отношению к ближнему равносильна бунту против Бога. Опасность данной страсти показана на примере собирательного образа фарисеев в Новом Завете.

Четвертая часть данной работы посвящена изучению творчества литовского писателя Йозаса Тумаса-Вайжгантаса. Несмотря на то, что тексты Вайжгантаса, в отличие от Священного Писания и гомеровского эпоса, не являются ключевыми в истории культуры, их исследование раскрывает и дополняет различные аспекты изучаемой страсти. Общие патемические схемы гордости, выведенные в предыдущей части работы, находят свое уникальное дискурсивное воплощение в художественном мире Вайжгантаса. Специфической особенностью этого мира является доминирование «бытового» дискурса, соответственно, и страсть гордости проявляется не в такой четкой и монументальной форме, как это было в античной культуре или текстах Священного Писания. В текстах Вайжгантаса ей свойственно слияние с другими страстями, такими как гнев, зависть, ненависть, похоть и т.п., а также прочное существование в виде мелких проявлений – эгоизма, желания возвыситься перед соседями и т.п.

Таким образом, несмотря на то что гордость в мире Вайжгантаса часто является первичным источником различных патемических состояний, она действует имплицитно, незаметно, под прикрытием других страстей. Так, Йонас в повести *Немой* поддается чувствам ревности и гнева по отношению к своему лучшему другу и, несмотря на все усилия, не может совладать с влечением к его жене Анелии. Однако более пристальное изучение текста позволяет

увидеть, что в основе этого водоворота страстей лежит гордость. Осознание того, что Казис нашел себе прекрасную невесту, сравнивается в повести с тем,

что испытывают ученики, когда одного из них долго считали отстающим, во всяком случае держали на вторых ролях, а он взял и получил пятерку, и притом без минуса. Тогда всем в классе делается неудобно, ситуация, прямо сказать, неприличная. Как же так? Все были выше его, незауряднее, а тут вдруг оказалось, что они были мельче, чем казалось. Йонас, который привык в Пузёнисе играть первую скрипку, видел теперь, что его оставили далеко позади. Вознаграждение за честную, правильную и благоую жизнь достается не ему, а его двойнику. Да где ж это видано? На что это похоже? И еще какое вознаграждение!¹⁵

Дальнейший сюжет строится на развитии и укоренении страстного состояния. И хотя в произведении основное внимание уделяется страстям ненависти к Казису и влюбленности в Анелию, в ключевых сюжетных моментах именно самолюбие играет решающую роль. Так, влечение к Анелии достигает такого пика, что Йонас принимает твердое решение: «устранить помеху, мужа Анелии, а ее взять к себе. Но что на это сказала бы сама Анелия, ему не пришло в голову спросить у нее»¹⁶. А убийство Казимераса – страшное, садистское – совершается не для достижения цели (быть с Анелией), а инициировано накатившей волной ненависти к Казису, «который был началом и концом всех его страданий»¹⁷.

Будучи пастором и тонко чувствующим писателем, Вайжгантас в своих произведениях сумел поймать «мелкие» страсти, передать тончайшие нюансы страстного поведения, логику объятого страстью человека. Почти все его герои – хорошие люди, но подверженность той или иной страсти (а за всеми этими страстями стоит гордыня) делает одного убийцей (Йонас в *Немой*), другого – косвенным

¹⁵ Вайжгантас, *Немой*, перевод Екатерины Йонайтене, 1988. <<https://e-libra.su/read/487680-nemoy.html#1109515732>>.

¹⁶ Вайжгантас, *Немой*.

¹⁷ Вайжгантас, *Немой*.

убийцей (Печура в *Выродке*, Довидене в *Дядьях и тетках*), третьего – алкоголиком (Винцентас в *Робинзоне из Жемайтши*) и т.д.

В творчестве Вайжгантаса удивительным образом сплетаются два типа мировоззрения, описанные выше. С одной стороны, данный автор описывает патриархальную христианскую общину, в которой каждый ее член регулярно посещает церковь, наставлен в евангельских истинах, чтит религиозные и крестьянские традиции. С другой стороны, эта праведная жизнь чаще всего основана лишь на внешнем исполнении установленных правил, а каждодневное существование строится по принципам языческого общества, где в чести удача и богатство, а не любовь к ближнему и смирение. Таким образом, деревенская жизнь в творчестве Вайжгантаса становится той средой, где с особой силой проявляются такие страсти как тщеславие, эгоизм, лицемерие. При этом, во многих произведениях Вайжгантас создает не только героя, подверженного страсти, но и его духовного двойника: так, в *Робинзоне из Жемайтши*, помимо талантливого и амбициозного Винцентаса, действует и скромный силач Онте; контраст эгоистичному скряге Печуре в *Выродке* составляет его сын-мечтатель Феликсас; а в *Дядьях и тетках* на фоне всеобщей черствости появляется смиренный «дядя» Миколокас. Эти контрасты не только подчеркивают положительные и отрицательные качества героев, но и позволяют проследить различные духовные пути, возможные в контексте одной и той же истории.

Таким образом, исследование гордости в творчестве Вайжгантаса позволило не только применить семиотические и христианские схемы гордости и проверить их действенность, но и раскрыло дополнительные нюансы изучаемой страсти.

Обзор литературы. В работе доминирует семиотическая литература. Особую важность представляет уже упомянутый фундаментальный труд Греймаса и Фонтаня *Семиотика страстей*, в котором выстроен методологический аппарат для изучения страсти. Также имеет вес уже ставшее классическим исследование Греймаса *De la colère (О гневе)* (1981)¹⁸, в котором шаг за шагом раскрывается патемическая структура гнева и

¹⁸ Algirdas Julius Greimas, *Semiotika. Darbų rinktinė*, sud. R. Pavilionis, Vilnius: Mintis, 1989, 360–382.

показана «история» данной страсти. Серьезной методологической опорой для данной диссертации стали работы ученика и соавтора Греймаса – Фонтанья: *Les passions de l'asthme (Страсти астмы)* (1989)¹⁹, *Tension et signification (Напряжение и значение)* (1998)²⁰. Следует упомянуть и работы другого ученика Греймаса – Эрика Ландовски, особенно его книгу *Passions sans nom (Безымянные страсти)* (2004)²¹, выдержки из которой в 2015 г. изданы вместе с другими его эссе на литовском языке²². В своих работах Ландовски выражает несогласие со строгим методом Греймаса и считает, что такой метод неприменим для изучения страстей. По мнению Ландовски, в семиотическом анализе страстей должен доминировать подход, изучающий не столько *структуру* страсти, сколько ее чувственное воплощение. Упомянутые работы представлены в теоретической части диссертации.

При изучении специфики античного наследия особенно важными являются работы Алексея Лосева. В его фундаментальном восьмитомном труде *История античной эстетики* (в работе использовался последний том *Итоги тысячелетнего развития*²³) представлены особенности античного языческого мировоззрения, раскрыты важнейшие понятия античной культуры. Студия *Двенадцать тезисов об античной культуре*²⁴ носит конспективный характер, но при этом емко выражает те религиозные, культурные и антропологические основы, которым античная культура обязана своей уникальностью. Весьма полезным является труд Александра Столярова *Свобода воли как проблема европейского морального*

¹⁹ Перевод на литовский язык: Jacques Fontanille, „Astmos pasijos“, *Baltos lankos* 36, Vilnius: Baltos lankos, 2012, 129–177.

²⁰ Jacques Fontanille, Claude Zilberberg, *Tension et signification*, Sprimont: Mardaga, 1998.

²¹ Eric Landowski, *Passions sans nom: essais de socio-sémiotique III*. Paris: Presses universitaires de France, 2004.

²² Eric Landowski, *Prasmė anapus teksto*, Vilnius: Baltos lankos, 2015.

²³ Алексей Лосев, *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития*. Книга II, Москва: Фолио, 2000.

²⁴ Алексей Лосев, «Двенадцать тезисов об античной культуре», *Студенческий меридиан*, № 9–10, 1983.
<http://psylib.org.ua/books/_losew02.htm>.

сознания²⁵, возникший на основе его диссертации, защищенной в 1983 г. В нем глубоко исследуется понятие морали в античной культуре. В собрании статей *The Greek World (Греческий мир)* представлен широкий спектр исследований античного мира, а для данной диссертации особую важность представляет статья Ника Фишера «*Hybris, status and slavery*» («*Гюбрис, статус и рабство*»)²⁶, в которой разбираются различные ситуации проявления дерзости (*hybris*) в античном социуме и прокомментировано, почему то или иное поведение воспринимается именно как дерзость. Другая статья Ника Фишера «*Hybris and Dishonour*» («*Гюбрис и бесчестье*»)²⁷ также раскрывает самые важные моменты античного понимания *hybris*, представляет широкий спектр возможных дискурсивных форм данного феномена. Данные работы позволили выделить особенности античного понимания гордости, определить его отличие от современной культурной и аксиологической рецепции.

Часть работы, посвященная изучению восприятия гордости в христианстве, основана на экзегетических и аскетических источниках Священного Предания. Важнейшим из них для данной работы является аскетический текст прп. Иоанна Лествичника *Лествица, возводящая на небо*²⁸, в котором показано развитие грехов и добродетелей, взаимосвязи между различными грехами и их проявлениями (например, гордыня ведет к блуду и / или гневу, а также к осуждению, зависти и клевете, тщеславие – к унынию и гордости и т.д.). Для диссертации актуален труд профессора богословия Сергея Зарина *Аскетизм по православно-христианскому учению*²⁹. В данной книге изучено огромное количество аскетических трудов, освещены и

²⁵ Алексей Арнольдович Столяров, *Свобода воли как проблема европейского морального сознания. Очерки истории: от Гомера до Лутера*, Москва: греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 1999.

²⁶ Nick Fisher, „Hybris, status and slavery”, *The Greek World*, ed. by Anton Powell, Taylor & Francis e-Library, 2003, 44–85.

²⁷ Nick Fisher, „Hybris and Dishonour: I”, *Greece & Rome*, vol. 23, Nr. 2 (Oct., 1976), 1976, 177–193.

²⁸ Иоанн Лествичник, прп., *Лествица, возводящая на небо*, Москва: Сретенский монастырь, 2007, 259–267.

²⁹ Сергей Зарин, *Аскетизм по православно-христианскому учению*, репринт, Киев: издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2006.

систематизированы основные их темы, что позволяет качественно ознакомиться с характерными для многовековой христианской традиции антропологическими и аскетическими взглядами. При работе с новозаветными текстами весомую пользу принесла книга *In Quest of the Historical Pharisees*³⁰ (*Поиски фарисеев в истории*), в которой детально представлена рецепция фарисеев в различных источниках, указаны исторические, культурные, религиозные особенности этого института. Необходимо упомянуть и теологические словари, такие как словарь Марселя Виллера *Dictionnaire de spiritualité: ascétique et mystique: doctrine et histoire* (*Словарь духовных терминов*)³¹ или *Theological Dictionary of the New Testament* (*Теологический словарь Нового Завета*)³², разработанный авторским коллективом (Герхард Киттель, Джеффри Бромилли, Герхардт Фридрих). Эти классические труды энциклопедического характера незаменимы в работе с христианскими источниками. Они позволяют не только ознакомиться с научным взглядом на изучаемую традицию, но и избежать ненужного реферирования.

Еще один пласт необходимой библиографии связан с исследованиями по литовской литературе. Несмотря на то, что четвертая часть диссертации посвящена преимущественно работе с художественными текстами, все же для того, чтобы передать особенности творчества Вайжгантаса, необходимо представлять общий культурный и политический контекст в Литве XX века и роль Вайжгантаса в нем. Данную задачу решает ознакомление с диссертацией Айте Кучинскене *Juozo Tumo-Vaižganto epistolinis diskursas* (*Эпистолярный дискурс Йозаса Тумаса-Вайжгантаса*) (2016)³³. При работе непосредственно с произведениями Вайжгантаса ценность представляет монография Альгимантаса

³⁰ Chilton, Bruce D., Neusner, Jacob, ed.: *In Quest of the Historical Pharisees*, Waco: Baylor University Press, 2007.

³¹ Marcel Viller et al., *Dictionnaire de spiritualité: ascétique et mystique: doctrine et histoire*, Paris: Beauchesne, 1937–1995.

³² Gerhard Kittel, Gerhard Friederich (ed.), Geoffrey W. Bromiley (trans. and ed.), *Theological Dictionary of the New Testament*, Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co. 1964–1976.

³³ Aistė Kučinskienė, *Juozo Tumo-Vaižganto epistolinis diskursas*, daktaro disertacija, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2016.

Радзевичюса *Vaižgantas lietuvių prozos kryžkelėse (Вайжгантас на распутье литовской прозы)*³⁴. Несмотря на то, что это периферийное исследование, по сравнению с такими работами как, например, монография Алдоны Вайтекунене *Vaižgantas (Вайжгантас)*³⁵, все же последняя охватывает самые разные аспекты жизни и творчества Вайжгантаса, и замечания о конкретных произведениях носят весьма общий характер, в то время как Радзевичюс достаточно детально и критически исследует непосредственно сами произведения. Также следует упомянуть и методологически полезную работу Саулюса Жукаса *Vaižganto Dėdžių ir dėdienių kulminacija. Semiotinė analizė (Кульминация Дядьев и теток Вайжгантаса: семиотический анализ)*³⁶.

Программы, базы данных. В диссертации используются базы данных. В процессе работы получен доступ к интернациональной базе данных *Thesaurus Linguae Graecae* (далее – *TLG*), в которой собрано свыше 10,000 текстов на греческом языке: античные, византийские и пост-византийские источники. Этот корпус постоянно обновляется. Возможности для исследования, предоставляемые *TLG*, были особенно востребованы при работе над теми частями диссертации, которые посвящены изучению античных и христианских источников. Система *TLG* позволяет выполнить некоторые операции, такие как частотный анализ употребления определенной лексики, сравнительные анализы, дает возможность проследить интертекстуальные связи, дает доступ к статистическим данным и т.д. При работе над диссертацией также активно использовалась программа *BibleWorks10*, созданная для работы с библейскими текстами. Она дает возможность ознакомиться с оригиналами и различными переводами текстов Священного Писания, позволяет выполнить некоторые аналитические операции, в основном связанные с грамматической стороной текстов.

³⁴ Algimantas Radzevičius, *Vaižgantas lietuvių prozos kryžkelėse: meninės sintezės problema*, Vilnius: Vaga, 1987.

³⁵ Aldona Vaitiekūnienė, *Vaižgantas*, Vilnius: Vaga, 1982.

³⁶ Saulius Žukas, *Vaižganto „Dėdžių ir dėdienių“ kulminacija: semiotinė analizė*, Vilnius: Baltos lankos, 1999.

Как *TLG*, так и *BibleWorks10* открывают доступ к различным словарям. Наиболее часто использовался словарь *Liddle-Scott-Jones* (далее – *LSJ*)³⁷ (назван так по фамилиям создателей), незаменимый при работе с древнегреческими текстами. В нем представлены максимально полные переводы слов (на англ. язык), со множеством вторичных и метафорических значений. При написании литературологической части диссертации использовался литовский интернет-словарь *Авантекст*³⁸, созданный (и постоянно пополняемый) научным коллективом Семиотического и литературоведческого центра им. А. Ю. Греймаса.

Источники. Античная традиция репрезентируется текстами Гомера³⁹. В произведениях других авторов также имеется немало примеров гордости, однако гомеровский эпос не только дает достаточное количество примеров изучаемой страсти, но и наиболее концентрированно и ярко выражает основные идеи античного мировоззрения. Другая причина, по которой исследование сконцентрировано на *Илиаде* и *Одиссее*, кроется в том, что большее количество авторов потребовало бы дополнительного исторического, литературного и культурного комментария (ведь античное наследие весьма неоднородно), что весьма увеличило бы объем диссертации. Для достижения цели данной работы представляется методологически верным изучить лишь один срез античного наследия, имея в виду, что

³⁷ Henry George Liddle, Robert Scott, Henry Stuart Jones, Roderick Mckenzie, *A Greek-English Lexicon*, Oxford: Clarendon Press, 1940. < <http://stephanus.tlg.uci.edu/ljsj/#eid=1> >.

³⁸ *Avantekstas: Lietuviškų literatūros mokslo terminų žodynas*, autorių kolektyvas, Vilniaus universitetas, pradėtas kurti nuo 2007 m. (<http://www.avantekstas.flf.vu.lt>).

³⁹ Тексты на греческом языке – в базе данных *TLG* по изданиям: Peter von der Mühl, *Homeri Odyssea*, Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1962 [Retrieved from: <<http://stephanus.tlg.uci.edu/Iris/Cite?0012:002:0>>]; Martin Lichtfield West, *Homeri Ilias* [Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana Stuttgart-Leipzig: Teubner, 1: 1998; 2: 2000], 1: 3–372; 2: 3–369. [Retrieved from: <<http://stephanus.tlg.uci.edu/Iris/Cite?0012:004:0>>]. Тексты на литовском языке: *Odisėja*, перевод с греческого Антанас Дамбраускас, Вильнюс: Вага, 1979; *Iliada*, перевод с греческого Антанас Дамбраускас, Вильнюс: Вага, 1981.

при этом нельзя объяснить и выразить все богатство и разноплановость античного мировоззрения, но он вполне может приоткрыть специфику античного мировоззрения и позволить выполнить анализ и других античных текстов.

Христианский взгляд на гордость представлен на основе текстов Священного Писания, в основном, новозаветных. Естественно, глубокий анализ христианского восприятия гордости требует серьезного погружения в тексты Ветхого Завета, однако в рамках данной работы это невозможно. К тому же в таком случае данная диссертация приобрела бы не литературную, а теологическую направленность. Поэтому в работе представлены лишь ключевые особенности ветхозаветного восприятия гордости (без них непонятна уникальность Нового Завета).

Творчество Вайжгантаса в диссертации представлено преимущественно наиболее известными его произведениями, такими как роман *Pragiedruliai (Просвет)* (1918–1920), повестями *Išgama (Выродок)* (1929), *Nebylys (Немой)* (1930), *Žemaičių Robinzonas (Робинзон из Жемайтши)* (1932–1933). Эти произведения с литературной точки зрения зрелы, портреты героев психологически и патетически сильны, в них нет той схематичности, что присутствовала в ранней прозе. Также важно и то, что в этих произведениях автор стремится уже не столько передать идею национального возрождения, что неминуемо окрашивает текст в дидактические тона (например, это явственно прослеживается в романе *Просвет* – одном из первых серьезных произведений Вайжгантаса), сколько показать внутренний мир человека, обуревающие его страсти на фоне, казалось бы, простой и привычной деревенской жизни.

Новизна и актуальность диссертации. Новизну данной работы определяют два аспекта. Во-первых, это новизна метода. Несмотря на то, что семиотика страстей уже достаточно широко используется в литературологических кругах, все же ей, как правило, отводится второстепенная роль и возможности этого метода, таким образом, не до конца раскрыты. Во-вторых, семиотических исследований гордости в Литве еще нет и данная работа – это первый шаг к анализу этой страсти.

Выводы. Применяя метод семиотики страстей, в данной работе удалось выстроить семиотическую модель гордости. При этом

приходится признать, что универсальная ее схема – это пока только проект: слишком разнятся возможные толчки к возникновению и прогрессированию этой страсти, ее дискурсивное воплощение и культурное прочтение. Анализ различных культурных и хронологических пластов подтверждает, что рецепция гордыни – это не одномоментное действие, а культурный процесс, в котором важную роль играют различные детали. Однако простейшее смысловое ядро, выделенное при анализе статей в толковых словарях, а именно – сочетание отношения к *себе*, негативного отношения к *другому* и избыток – остается неизменным, несмотря на меняющийся культурный фон.

Изучение разных с хронологической и аксиологической точки зрения текстов позволило не только выделить основные отличия в рецепции гордости, но и определить то, что роднит разные культуры в восприятии данной страсти, а именно – четкую негативную установку по отношению к ней. С какой бы позиции она ни воспринималась – с религиозной ли, с социальной или с психологической – явствует ее разрушительное влияние не только на отдельного человека, непосредственно объятаго этой страстью, но и на его окружение.

При изучении гордости с семиотической точки зрения представлен сам метод семиотики страстей, объяснены основные методологические термины, введенные Греймасом и / или его учениками, выделено универсальное трехчастное ядро изучаемой страсти. Различные комбинации трех его компонентов, изменение доминирующего элемента на дискурсивном уровне приводит к различным проявлениям самолюбия: от болезненного стыда до сатанинской гордыни.

На анализе конкретного отрывка (Быт 3.1–6) показана действенность методологического аппарата, а также прослежено развитие гордости. Показано, что данная страсть имеет когнитивную основу, иными словами, первичный импульс к ее появлению – это телесные ощущения, а мысль. Гордость зарождается от некоего *верования / знания*, обещающего субъекту исключительность. Это обещание ошибочно истолковывается субъектом как возможность полноты, онтологического совершенства и автономии, что открывает путь к развитию гордости: постепенно страсть приобретает тенсивность и модальную форму. Теоретическая часть завершена

конструированием макросеквенции – модальной схемы развития страсти.

При создании макросеквенции гордости на основе примеров Греймаса и Фонтания возникло сомнение в убеждении последних, что данная схема является универсальной. Коль скоро макросеквенция строится на культурных выкладках (анализирует и фиксирует патемические роли, установленные культурой), то она выражает не столько саму страсть, сколько ее модальный узор в конкретной культуре. Таким образом, на некоторую универсальность макросеквенция может претендовать лишь в пределах одной культуры. При работе над античной рецепцией гордости это предположение подтвердилось: в античной культуре действует уникальная аксиологическая система, для нее характерно специфическое «прочтение» данной страсти. Таким образом, макросеквенция, созданная в теоретической части данной работы, не может быть применена к античным источникам. Поэтому при завершении анализа «античной» гордости создана еще одна макросеквенция, выражающая расположение модальностей гордыни именно в этой культуре.

Изучение особенностей античного мировоззрения показало, что страсть гордости в нем неотделима от коллективного измерения и воспринимается, в первую очередь, как опасный для общественной гармонии порок. При этом *гордостью* могут называться не только случаи явного самопревозношения, но и вообще все, что связано с нарушением общего *космического* строя – презрение к общественным нормам, дерзкое поведение, выход за рамки своей социальной роли и т.д. Таким образом, сделан вывод, что в античном универсуме гордостью считается *неумение быть*, т.е. (бес)сознательное отвержение космической нормы. Сознание античного человека является пантеистическим: космос воспринимается как то, что есть везде и есть все. Именно поэтому любое действие, попирающее его законы, нарушает *общую* гармонию.

Особенности античного сознания привели к тому, что в данной культуре большую роль играет присутствие *наблюдателя*, который следит за поведением субъекта применительно к установленным нормам, высказывает свою оценку. Это позволило углубиться в изучение процессов сенсбилизации и морализации, т.е.

интерпретации и оценки страсти актантом-наблюдателем, выделенных в *Семиотике страстей* как обязательная часть любого патемического пути. Сделан вывод, что сенсбилизация являет собой классическую коммуникационную схему, в которой вместо лингвистического кода действует код патемический, считываемый с аффектного поведения объятаго страстью субъекта. Это приводит к мысли, что расшифровка патемического кода – весьма субъективный процесс, в большой мере зависящий от компетенций наблюдателя.

Анализ христианских источников показал, что гордость в данной системе воспринимается через призму отношений человека и Бога. Именно поэтому в христианстве страсть, в том числе и гордость, обретает трансцендентальное измерение, т.к. меняет не только горизонталь отношений (*человек–человек*), но и вертикаль (*человек–Бог*). В христианской антропологии человек воспринимается как образ Божий, поэтому все, что искажает его, оценивается крайне негативно. Гордость считается одним из самых страшных грехов, т.к. не только разрушает личность человека, но и отдаляет его от вечной жизни. При этом сам гордец может даже не понимать, что он отвергает Бога. В диссертации на основании аскетических источников показано, что общим корнем всех грехов является самолюбие. Лишая себя источника истинной жизни – Бога, ограничиваясь лишь пространством своего *эго*, человек обрекает себя на духовную смерть, часто сопровождаемую и внешним упадком – социальным, психическим и т.д. При исследовании развития греха выяснено, что любой грех, в том числе и гордость, формируется постепенно, это процесс, причем процесс, требующий согласия и участия самого человека. В диссертации выполнено и сравнение двух схем постепенного развития страсти – семиотической и аскетической. Сделан вывод, что они похожи своей динамикой (обе изображают усиливающееся притяжение субъекта к страстному объекту), однако содержание в эти схемы вкладывается разное. Для семиотики страсть – это *новое* значение, а этапы его формирования – это эволюция. Аскетика же понимает страсть как деградацию, как искажение образа Божия в человеке.

Изучение гордости в творчестве Вайжгантаса позволило увидеть, как в литературном тексте XX века творчески используются оба взгляда на гордость – архаичный языческий (гордость как дерзость

против общей гармонии, ее нарушение) и христианский (гордость – как духовное самоубийство). Однако исследование творчества этого автора открывает или углубляет некоторые аспекты гордости, которые до этого не были в достаточной степени раскрыты. Во-первых, в текстах Вайжгантаса показывается изменение сознания охваченного гордостью человека, раскрыты нюансы патемической логики. Это позволило детальнее раскрыть роль симулякров в развитии изучаемой страсти: показано, как мысленные образы, картины будущего успеха начинают властвовать над героем и уже не столько мотивировать его к действию, сколько порождать страх перед *не-действием*, приводя героя к духовному и даже физическому истощению. Во-вторых, в творчестве Вайжгантаса, особенно позднем, четко прослеживается взаимосвязь трех главных страстей, о которых уже говорилось ранее (похоть плоти, похоть очей и гордость). Его герои часто заражены не только гордостью, но и угождением телу (например, прогрессирующий алкоголизм Винцентаса) и / или жадостью (например, материализм старого Печуры в *Выродке*). В-третьих, особенностью творчества данного автора можно считать христианский взгляд на грех: рассказчик всегда дает понять, что речь идет именно об искажении хорошего человека; даже истории самых отталкивающих его героев – это истории падения. При этом в творчестве Вайжгантаса прослеживается мысль, что мелких страстей не бывает – каждый порок прогрессирует, соединяется с другими страстями, и водоворот затягивает не только объятого страстью человека, но нередко и других людей.

Таким образом, в диссертации гордость рассмотрена с нескольких перспектив, представлены разные ее аспекты. Однако многое осталось за рамками данной работы: исследование психосоматики гордости, сравнительный анализ различных проявлений и типов самолюбия, вариации сенсбилизации и морализации в разных эпохах и / или культурах. Можно смело утверждать, что изучение страстей и конкретно – гордости – является полезным и необходимым как с культурологической, так и социальной перспектив и должно быть продолжено.

Научные статьи по теме диссертации

Мурашова К., «Гордость в Библии», *Baltos lankos* 36, Вильнюс: Baltos lankos, 2012, 104–124. ISSN: 1392-0189.

Мурашова К., «Гордость в интересующих отношениях», *Res humanitariae* XIV, Клайпеда: Klaipėdos universiteto leidykla, 2013, 70–87. ISSN: 2538-922X.

Казаринова К., «Образ *другого* в произведении Симонаса Даукантаса *Обычаи древних литовцев, аукштайтов и жемайтов*», *Res humanitariae* XIX, Клайпеда: Klaipėdos universiteto leidykla, 2016, 214–228. ISSN: 2538-922X.

Казаринова К., «Грамматика падения», *Semiotika* 13, Вильнюс: A. J. Greimo centro studijos, 2017, 35–57. ISSN 2424-547X

Казаринова К., «Формы гордости в *Проблесках* Вайжгантаса», *Colloquia* 44, Vilnius: LLTI, 2020, ISSN 1822-3737 [принято в печать].

Доклады на научных конференциях и открытые дискуссии по теме диссертации:

«Отношение к христианству в произведении С. Даукантаса *Обычаи древних литовцев, аукштайтов и жемайтов*», национальная конференция *Симонас Даукантас и первая история литовской культуры*, 2015 г., 12 декабря, художественная школа Скуодаса.

«Гордость в художественном творчестве Йозаса Тумаса-Вайжгантаса», национальная конференция *Йозас Тумас-Вайжгантас – spiritus movens литовской культуры*, 2019 г., 11 октября, Каунас, Музей Майрониса.

Участие в «Семиотуре», в честь 100-летия со дня рождения А. Ю. Греймаса. Доклады в Литовском эдукологическом университете, Вильнюсском техническом университете Гедиминаса и в Университете Витаутаса Великого. Доклад в ЛЭУ: 2017-04-05; доклад в ВТУГ: 2017-04-25; доклад в УВВ: 2017-05-16.

Участие в радиопередаче *Литературные горизонты (Literatūros akiračiai)*, посвященной семиотике. Ссылка на радиопередачу: <http://www.lrt.lt/mediateka/irasas/1013671902/literaturos_akiraciai_2017_07_09_16_03>.

Об авторе

Ксения Казаринова (Мурашова) родилась 5 февраля 1988 г. В 2010 г. закончила Клайпедский университет по специальности «Русская филология и литовский язык», в 2012 г. получила диплом магистра по специальности «Семиотика» в Вильнюсском университете в Центре семиотики и литературологии им. А. Ю. Греймаса. С 2012 г. работала в Клайпедском университете на кафедре Литературы, преподавала Теорию литературоведения, вела семинары по античной литературе. С 2014 г. по 2020 г. являлась докторантом объединенной докторантуры нескольких университетов: Клайпедского, Шяуляйского, Каунасского университета Витаутаса Великого и Вильнюсского института литовского языка по направлению «Филология». С 2014 г. по 2017 г. обучалась в Православном свято-Тихоновском гуманитарном университете (г. Москва) по специальности «Теология» и получила соответствующий диплом.

Ксения Казаринова принимала участие в литературологических конференциях, выступала с докладами в рамках семиотической акции «Семиотур», участвовала в радиопередаче «Литературные горизонты» (*Literatūros akiračiai*).

Ivadas. Ši daktaro disertacija skirta semiotinei puikybės pasijos analizei. Puikybė – tai vienas stipriausiai žmogiškąjį diskursą veikiančių, bet sunkiai kontroliuojamų fenomenų. Puikybė lengvai užgimsta, bet ne visada lengvai atpažįstama, turi daugybę raiškos formų, ji gali paveikti individo pasaulėžiūrą ir destrukiškai – socialinius ryšius. Tad nenuostabu, kad ji sulaukia religijos, filosofijos, psichologijos, sociologijos ir t.t. dėmesio. Ji plačiai apmąstoma ir grožinėje literatūroje. Būdama viena iš kultūros formų, literatūra ne tik išsaugo („užkonservuoja“) įvairių žmogaus ir visuomenės fenomenų – tarp jų ir puikybės – formas, bet ir išryškina, pakomentuoja, įvertina jas, ragina susimąstyti, atidžiau žvelgti į moralinį diskursą. Tad siekiant tyrinėti puikybę, grožinė literatūra atrodo paranki terpė, kur pasirinktas analizuoti fenomenas nėra praradęs savo unikalumo, bet kartu jau yra apdirbtas, etiškai „adaptuotas“: aprūpintas kultūriniu vertinimu, įvestas į dorovinių taksonomijų tinklą. Taigi šio darbo **objektas** – puikybės pasija literatūroje. Literatūros šaltinių pasirinkimą, kaip bus matyti, nulėmė darbo pobūdis ir specifika.

Tačiau nors ir labai paplitusi, išsiskynusi beveik kiekvienoje asmenybėje, puikybė vis dėlto yra gana sunkiai apibrėžiama. Kaip ir bet kokia pasija, ji yra nepastovi, pulsuojianti, besivystanti ir besikeičianti, todėl ją sudėtinga „pagauti“ net ir sąlygiškai statiskame rašytiniame tekste. Būtent tokių neapčiuopiamų reiškinių analizei yra skirtas pasijų semiotikos metodas, kurį norima išbandyti ir detaliau pristatyti šio tyrimo eigoje. Šio darbo **tikslas** – išskirti pagrindinius puikybės formantus, atrasti universalią jos schemą.

Šis tikslas nulėmė ir darbo **metodologiją**. Algirdas Julius Greimas 1979 m., dar tik kurdamas apmatius *Pasijų semiotikai* (1991), yra pažymėjęs, jog pasijų semiotikos kaip metodo tikslas – yra išskirti „universalias“ arba „pirmykštes“ modalines įrangas, peržengus paviršines struktūras, tokias kaip pasijos raiškos ypatumai, vertinimai, pateikti tam tikroje kultūroje, ir pan. Šias modalines įrangas „gali [išskirta Greimo – K. K.] įjautrinti viena ar kita kultūra“⁴⁰, tačiau lygiai

⁴⁰ Algirdas Julius Greimas, [Pastabos apie pasijas], *Baltos lankos* 30, 2009, 202. Kęstučio Nastopkos vertimas iš «Notas manuscritas de A. J. Greimas». In Algirdas Julien Greimas: Testemunhos. Idealizado para o colóquio «Unidade e pluralidade: Em torno da obra de A. J. Greimas», realizado em São Paulo, de 31

taip pat kai kurios tokios įrangos kultūros gali būti suvokiamos ir ne kaip pasijos, o tiesiog kaip tam tikros būsenos, nusiteikimai⁴¹. Tad pasijų semiotika siekia tyrinėti „modalines įrangas nepriklausomai nuo jų „įjautrinimo“⁴², t. y. tos jausminės reikšmės, kurią jiems suteikia kultūra. Šiame darbe toks tikslas keliamas tyrinėjant puikybę – siekiama atrasti jos modalinį branduolį, nepriklausomai nuo to, kokia reikšmė, koks prasminis krūvis yra suteikiamas šiam fenomenui kultūroje.

Tačiau tai tik vienas iš pasijos analizės kelių. Kitu, ne mažiau įdomiu, siekiama išryškinti kultūrinės taksonomijas, iširti socialinius santykio su analizuojamu objektu modelius, analizuoti pasijinio ir priimančiojo diskursų sankirtos ypatumus. Greimas, rašydamas kartu su Jacquesu Fontanille *Pasijų semiotiką*, nemažai dėmesio skyrė kultūrinio pasijų atpažinimo bei vertinimo operacijoms. Šiame darbe tiriant puikybę, kaip kultūros terpėje veikiančią fenomeną, minėtu darbu bus nemažai remiamasi.

Šie du pasijos tyrimo keliai susišaukia su jau nurodytu literatūros ypatumu – iš vienos pusės, užfiksuoti reiškinio prasminį branduolį, bet iš kitos – įvesti vaizduojamą objektą į kultūrinį taksonomijų tinklą. Literatūros diskursas kuo puikiausiai leidžia pritaikyti nurodytus pasijos analizės kelius.

Vis dėlto tikslas neatrodo lengvai pasiekiamas. Pirma, pati pasijų semiotika yra nevienalytė, joje dera beveik opoziciški požiūriai (pvz., pasija – tai struktūra vs pasija – tai gyvas pajautimas). Antra, grožinių tekstų atranka turėtų būti sisteminga, palaikanti darbo vientisumą. Tenka parinkti analizei aukštos kokybės grožinius tekstus, o kartu siekti, kad jie ne tik atvaizduotų bei komentuotų puikybę, bet ir perteiktų įvairius jos aspektus. Tačiau – trečia, – svarbu žinoti, jog skirtingiems tekstams taikytini skirtingi skaitymo ir interpretavimo tinkleliai (juk akivaizdu, kad Biblijos ir *Iliados* tekstai reikalauja kiekvienas savito skaitymo). Tad siekiant tikslo, keliami tokie **uždaviniai**:

de agosto a 2 de setembro de 1994. Ed. Ana Claudia de Oliveira. São Paulo, Escola de Comunicação, Editora da Pontifícia Universidade Católica de São Paulo, 1994, 16–35.

⁴¹ Greimas 2009, 201.

⁴² Greimas 2009, 202.

- pristatyti pasijų semiotikos metodą ir pritaikyti jį puikybės analizei;
- atliekant semiotinę analizę, pademonstruoti pagrindinius puikybės reiškinių aspektus;
- pateikti puikybės pavyzdžius skirtinguose žanrinio, chronologinio ir aksiologinio požiūriu literatūros tekstuose bei tuos pavyzdžius pakomentuoti;
- patikrinti, ar taikoma universali puikybės schema (makrosekvencija) įvairioms jos raiškos formoms.

Darbo tikslas bei uždaviniai nulėmė ir darbo **struktūrą**. Siekiant pristatyti skirtingus puikybės fenomeno pjūvius, darbas suskirstytas į keturias dalis.

Pirmoji dalis skirta metodo pristatymui. Aprašoma pasijų semiotika, jos ypatumai, terminija, pasijų semiotikos atšakos. Taip pat padaromi pirmieji žingsniai puikybės analizės link: pristatomi šios pasijos pagrindiniai komponentai, parodomi ją varantys mechanizmai. Tyrimo pagrindui paimamos universalios schemas, pristatytos *Pasijų semiotikoje*, ir taikomos puikybės analizei.

Antroji, didžioji darbo dalis, skirta antikinio požiūrio į puikybę aptarimui. Šioje dalyje, remiantis semiotine perspektyva, tiriama stebėtojo ir jo vaidmens pasijos procese reikšmė. Tęsiama puikybės struktūros analizė, išplečiant sensibilizacijos ir moralizacijos sąvokas. Puikybė šioje dalyje daugiausiai analizuojama visuomeninio gyvenimo kontekste, nes taip geriausiai atsispindi antikinio mąstymo ir pasaulėvokos ypatumai.

Trečiojoje dalyje pristatoma krikščioniška puikybės recepcija. Joje, remiantis asketine literatūra bei Šventuoju Raštu, pateikiamas savitas požiūris į aistros ir nuodėmės raidą. Pristatomas požiūris į puikybę Senajame ir Naujajame Testamentuose (toliau – *ST* ir *NT*), iliustruojant pavyzdžiais.

Ketvirtoji darbo dalis skirta aptarti puikybę Juozo Tumo-Vaižganto raštuose. Šiame skyriuje siekiama atskleisti pasijos veikimo principus grožiniame tekste, patikrinti, ar ankstesnėse dalyse surastos puikybės schemas pasitvirtins. Skirtingai nei Homero epas ar *ST* ir *NT*, Vaižganto tekstai kultūriniu požiūriu nėra kertiniai. Tačiau Vaižganto grožinių tekstų ypatumas yra tas, kad puikybė juose skleidžiasi kaimo aplinkoje.

Galima sakyti, kad šiuo atveju bus kalbama apie „buitinę“ puikybę, kuri neturi tokios aiškios formos ir vaizdo kaip antikoje arba krikščionybėje, bet, tikėtina, nepraranda savo destruktinio branduolio.

Darbą, be paminėtų dalių, sudaro įvadas, išvados bei literatūros sąrašas, priedai.

Literatūros apžvalga. Darbe daugiausia remiamasi semiotine literatūra. Ypatingą svarbą šiai analizei turi Algirdo Juliaus Greimo kartu su prancūzų tyrėju Jacquesu Fontanille parašytas veikalas *Sémiotique des passions (Pasijų semiotika)*⁴³, kur brėžiama aistrų analizės perspektyva. Taip pat svarbi, jau klasikine tapusi, Greimo studija *Apie pyktį*⁴⁴ (1981), kurioje žingsnis po žingsnio pateikiama išsami pykčio analizė. Minėtuose darbe aprašytas metodas šioje disertacijoje tyrinėjamam objektui leidžia sukurti ne tik analizės prieigas, bet ir užčiuopti tam tikrą įtampą, tam tikrą istoriją, besiskleidžiančią pačiame analizuojamame objekte, sudarytame iš įvairių prasminių elementų. Nemažai šioje disertacijoje remiamasi ir Greimo mokinio bei bendraautorio Fontanille darbais: *Astmos pasijos* (1989)⁴⁵, *Tension et signification* (1998) (*Įtampa ir reikšmė*)⁴⁶. Taikomos ir kito Greimo mokinio Erico Landowskio įžvalgos. Svarbu paminėti jo knygą *Passions sans nom* (2004)⁴⁷ (*Bevardės pasijos*), kurios nemaža dalis pateko į 2015 m. lietuvių kalba pasirodžiusią jo esė knygą *Prasmė anapus teksto*⁴⁸. Šiuose tekstuose Landowskis nesutinka su griežtu Greimo metodu ir siūlo pasijas analizuoti per pagavos, estezės prieigas.

Darbo dalių ypatumas nulėmė ir tai, jog, be semiotinių įžvalgų, jose remiamasi specialiais tyrimais. Antikinės kultūros ypatumai nuodugniam pristatomi Aleksejaus Losevo darbuose. Norisi paminėti chrestomatiniiais

⁴³ Альгирдас Юлюс Греймас, Жак Фонтаний, *Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души*, Москва: Издательство ЛКИ, 2007.

⁴⁴ Algirdas Julius Greimas, *Semiotika. Darbų rinktinė*, sud. R. Pavilionis, Vilnius: Mintis, 1989, 360–382.

⁴⁵ Vertimas į lietuvių kalbą: Jacques Fontanille, „Astmos pasijos“, *Baltos lankos* 36, Vilnius: Baltos lankos, 2012, 129–177.

⁴⁶ Jacques Fontanille, Claude Zilberberg, *Tension et signification*, Sprimont: Mardaga, 1998.

⁴⁷ Eric Landowski, *Passions sans nom*, Paris: Presses Universitaires de France, 2004.

⁴⁸ Eric Landowski, *Prasmė anapus teksto*, Vilnius: Baltos lankos, 2015.

tapusius veikalus. Tai 8 tomų darbas *История античной эстетики*⁴⁹ (*Antikos estetikos istorija*), iš kurių ypač naudingas 8 tomas *Итоги тысячелетнего развития*⁵⁰ (*Tūkstantmečio raidos rezultatai*). Jame pristatomi svarbiausi antikinės pasaulėvokos ypatumai, kurie leido išskleisti ir unikalią puikybės receptiją senovės Graikijoje. Antikinės kultūros ypatumai trumpai pristatomi ir studijoje *Двенадцать тезисов об античной культуре*⁵¹ (*Dvylika tezių antikinėi kultūrai apibūdinti*). Taip pat svarbu paminėti Aleksandro Stoliarovo knyga, išaugusią iš 1983 m. pasirodžiusios disertacijos, *Свобода воли как проблема европейского морального сознания*⁵² (*Laisvos valios problematiškumas europietiškoje moralioje sąmonėje*), skirtos laisvos valios temai. Monografijoje apmąstoma antikinio moralumo samprata bei ypatumai. Tai labiau padėjo suvokti puikybės vietą šios kultūros aksiologijoje.

Antano Powello parengtame straipsnių rinkinyje *The Greek World* (1995) (*Graikų pasaulis*)⁵³ pristatomas platus antikinio pasaulio tyrimų spektras. Iš šio rinkinio svarbus šiai disertacijai buvo Nicko Fisherio straipsnis „*Hybris, status and slavery*“ („*Hybris, statusas ir vergija*“)⁵⁴, kuriame analizuojami įvairūs *hybris* (įžūlumo) pasirodymai antikiniam sociume, komentuojama, kodėl vienas ar kitas veiksmas antikinėje kultūroje priskirtinas prie įžūlumo dimensijos. Labai naudingas ir kitas Fisherio straipsnis – „*Hybris and Dishonour*“ („*Hybris ir paniekimas*“)⁵⁵, kuriame pristatomas platus spektras galimų *hybris* formų bei šio reiškinių antikinė receptija.

⁴⁹ Алексей Лосев, *История античной эстетики*. Москва: Фолио, 2000.

⁵⁰ Алексей Лосев, *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития*. Книга II, Москва: Фолио, 2000.

⁵¹ Алексей Лосев, «Двенадцать тезисов об античной культуре», *Студенческий меридиан*, № 9–10, 1983. <http://psylib.org.ua/books/_losew02.htm>.

⁵² Алексей Арнольдович Столяров, *Свобода воли как проблема европейского морального сознания. Очерки истории: от Гомера до Лютера*, Москва: греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 1999.

⁵³ Anton Powell (Ed.), *The Greek World*, Taylor & Francis e-Library, 2003.

⁵⁴ Nick Fisher, “Hybris, status and slavery”, *The Greek World*, ed. by Anton Powell, Taylor & Francis e-Library, 2003.

⁵⁵ Nick Fisher, „Hybris‘ and Dishonour: I“, *Greece & Rome*, vol. 23, Nr. 2 (Oct., 1976), 1976, 177–193.

Krikščioniškajai puikybės recepcijai skirta šios disertacijos dalis grindžiama bažnytinės egzegezės ir asketinio palikimo tekstais. Svarbiausias jų – šv. Jono Klimako asketinis tekstas *Лествица (Rojaus kopėčios)*⁵⁶, kuriame nuodugniai apmąstoma nuodėmių ir dorybių raida, nurodomi nuodėmių tarpusavio ryšiai, pateikiami aistrų atpažinimo būdai ir kt. Disertacijai aktualus Sergejaus Zarino veikalas *Аскетизм по православно-христианскому учению (Asketizmas krikščionių ortodoksų mokyme)*⁵⁷. Zarino knyga – tai išsami asketinių raštų analizė, komentavimas bei struktūravimas, leidžiantis susipažinti su krikščioniškoje tradicijoje išgalėjusiu požiūriu į nuodėmę (taip pat ir į puikybę) bei nukreipiantis į pirminius šaltinius – graikiškuosius šventųjų tėvų tekstus. Analizuojant NT, buvo naudinga autorių kolektyvo parengta knyga *In Quest of the Historical Pharisees (Istorinių fariziejų paieškose)*,⁵⁸ kurioje detaliai pristatyta fariziejų recepcija skirtinguose šaltiniuose, aptarti šio fariziejų instituto ypatumai.

Svarbu nurodyti Marcelio Villero sudarytą *Dictionnaire de spiritualité: ascétique et mystique: doctrine et histoire (Dvasinių reiškinių žodyną)*⁵⁹ bei autorių kolektyvo (Gerhard Kittel, Geoffrey William Bromiley, Gerhard Friedrich) parengtą *Theological Dictionary of the New Testament*⁶⁰ (*Teologinį Naujojo Testamento žodyną*). Tai yra klasikiniai enciklopedinio pobūdžio darbai, svarbūs biblinio teksto analizei, nes juose pateikiami ir sugrupuojami pagrindiniai duomenys. Tai leidžia ne tik susipažinti su rimtu, tradicija paremtu žvilgsniu į analizuojamus reiškinius, bet ir išvengti nereikalingo referavimo.

Dar vienas mokslinės literatūros pluoštas siejamas su lietuvių literatūros tradicija. Nors ketvirtoji disertacijos dalis skirta daugiausiai

⁵⁶ Иоанн Лествичник, прп., *Лествица, возводящая на небо*, Москва: Сретенский монастырь, 2007.

⁵⁷ Сергей Зарин, *Аскетизм по православно-христианскому учению*, репринт, Киев: издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2006.

⁵⁸ Chilton, Bruce D., Neusner, Jacob, ed.: *In Quest of the Historical Pharisees*, Waco: Baylor University Press, 2007.

⁵⁹ Marcel Viller et al., *Dictionnaire de spiritualité: ascétique et mystique: doctrine et histoire*, Paris: Beauchesne, 1937–1995.

⁶⁰ Gerhard Kittel, Gerhard Friederich (ed.), Geoffrey W. Bromiley (trans. and ed.), *Theological Dictionary of the New Testament*, Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co. 1964–1976.

darbui su grožiniais tekstais, vis dėlto siekiant pristatyti Vaižganto kūrybos ypatumus, svarbu įsivaizduoti ir bendrą kultūrinį bei politinį kontekstą bei paties Juozo Tumo figūrą. Pastarajam siekiui išpildyti buvo remtasi Aistės Kučinskienės disertacija *Juozo Tumo-Vaižganto epistolinis diskursas* (2016)⁶¹. Tenka paminėti, kad nors Aldonos Vaitiekūnienės monografija *Vaižgantas*⁶² ir yra vienas pagrindinių veikalų, studijuojant Vaižgantą, vis dėlto jis yra labai bendro pobūdžio, knyga turi labiau pristatomąjį pobūdį. Nemažai peno davė Algimanto Radzevičiaus monografija *Vaižgantas lietuvių prozos kryžkelėse*⁶³, kur detaliai pakomentuotos žinomiausių Vaižganto kūrinių stiliaus ir turinio ypatybės, bei semiotinis Saulius Žuko „Vaižganto *Dėdžių ir dėdienių* kulminacija: semiotinė analizė“⁶⁴ tyrimas, demonstruojantis semiotikos metodo taikymą Vaižganto tekstui.

Duomenų bazės, programos. Darbe naudojamosi šiuolaikinių technologijų teikiamomis galimybėmis. Įsigyta prieiga prie internacionalinės *Thesaurus Linguae Graecae* (toliau – *TLG*) duomenų bazės, kurioje saugomas graikų kalba parašytų antikinių kūrinių tekstų korpusas, patristika, bizantiškojo laikotarpio tekstai. Bazėje yra virš 10 tūkst. tekstų, sukurtų nuo VIII a. pr. Kr. iki Bizantijos imperijos žlugimo 1453 m. Tekstynas yra nuolat pildomas. Šios duomenų bazės teikiamos galimybės ypač buvo naudingos, tyrinėjant antikinę literatūrą, taip pat – dirbant su krikščioniškuoju palikimu, kadangi didžiulė dalis krikščioniškųjų autorių tekstų dar nėra išversta ir knygų pavidalu sunkiai pasiekiamas.

Be to, *TLG* sistema leidžia atlikti leksikos dažnumo analizę, lyginamąją analizę, statistinius tyrimus ir kt., kurie buvo atlikti, nors galutiniame darbo variante dėl disertacijos darbo apimties nebebuvo įtraukti, bet padėjo objektyviau formuluoti išvadas.

⁶¹ Aistė Kučinskienė, *Juozo Tumo-Vaižganto epistolinis diskursas*, daktaro disertacija, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2016.

⁶² Aldona Vaitiekūnienė, *Vaižgantas*, Vilnius: Vaga, 1982.

⁶³ Algimantas Radzevičius, *Vaižgantas lietuvių prozos kryžkelėse: meninės sintezės problema*, Vilnius: Vaga, 1987.

⁶⁴ Saulius Žukas, *Vaižganto „Dėdžių ir dėdienių“ kulminacija: semiotinė analizė*, Vilnius: Baltos lankos, 1999.

Naudotasi ir *BibleWorks10* programa, kuri sukurta darbui su Biblijos tekstais. Ji suteikia galimybę susipažinti su įvairiais teksto vertimais bei leidžia atlikti įvairiausias analizes, o svarbiausia – originalo kalba perskaityti dominančias vietas. Programa orientuota daugiausiai į tekstyno gramatiką, tad, reikalui esant, galima palyginti įvairias žodžių formas, pamatyti jų paradigmas, atlikti morfologinę analizę, lyginamąją leksikos analizę ir t.t. Šia programa naudotasi tekstų įvairiomis kalbomis, dominančių žodžių paieškai bei statistiniams duomenimis surinkti.

Tiek *TLG*, tiek *BibleWorks10* leidžia naudotis populiariausiais žodynais bei žinynais. Daugiausia remtasi *Liddle-Scott-Jones* (toliau tekste – *LSJ*) žodynu, pavadintu pagal jį sudariusių autorių pavardes (Henry George Liddle, Robert Scott, Henry Stuart Jones, Roderick McKenzie). Tai chrestomatinis žodynas, nepamainomas darbe su senovės graikų tekstais. Jame pateikiamas ne tik dominančios sąvokos vertimas (į anglų kalbą), bet ir jos vartojimo pavyzdžiai įvairių autorių tekstuose, galimos gramatinės formos. Žodynai yra maksimaliai priartinti prie išspausdintų originalų, įtraukti ir puslapiai.

Naudotasi ir lietuviškomis bazėmis. Ypač parankus pasirodė neseniai įkurtas internetinis literatūros terminų žodynas *Avantekstas*⁶⁵. Jis yra pradėtas kurti 2007 m. (ir nuolat pildomas) Vilniaus universiteto Greimo semiotikos ir literatūros teorijos centro mokslininkų kolektyvo⁶⁶. Šis žodynas pravertė pristatant semiotinį metodologinį aparatą, nes jame pateiktos ir pakomentuotos svarbiausios literatūrologijos sąvokos.

Šaltiniai. Antikinė tradicija daugiausia reprezentuojama Homero tekstais⁶⁷. Kitų autorių darbuose taip pat galima rasti nemažai puikybės

⁶⁵ *Avantekstas: Lietuviškų literatūros mokslo terminų žodynas, autorių kolektyvas*, Vilniaus universitetas, pradėtas kurti nuo 2007 m. (<http://www.avantekstas.flf.vu.lt>).

⁶⁶ Rima Bertašavičiūtė (RB), Virginija Cibarauskė (VC); Andrius Grigorjevas (AG); Paulius Jevsejevas (PJ); Dalia Kaladinskienė (DK); Jurga Katkuvienė (JK); Nijolė Keršytė (NK); Aistė Kučinskienė (AK); Kęstutis Nastopka (KN); Irina Melnikova (IM); Birutė Meržvinskytė (BM); Julija Snežko (JS); Paulius Vaidotas Subačius (PS); Gintautė Žemaitytė (GŽ).

⁶⁷ Tekstai graikų kalba žiūrėti per *TLG* prieigą, tekstai lietuvių kalba: Homeras, *Iliada*, iš graikų kalbos vertė Antanas Dambrauskas, Vilnius: Vaga, 1981; Homeras, *Odisėja*, iš graikų kalbos vertė Antanas Dambrauskas, Vilnius: Vaga, 1979.

aprašku, tačiau *Iliadoje* ir *Odisėjoje* ne tik galima rasti konkrečių puikybės pavyzdžių, bet šiuose tekstuose puikiausiai išryškinti momentai, būdingi visai antikinei kultūrai. Įvedant daugiau autorių, būtų buvę neišvengiama aptarti jų istorinį bei kultūrinį kontekstą, pasaulėžiūros ypatumus, aksiologiją. Tad darbo apimtis būtų gerokai išaugusios. Kadangi darbo tikslas yra kitoks, atrodė, kad siekiant pristatyti puikybės suvokimo ypatumus antikinėje kultūroje, pakaks padaryti vieną pjūvį. Ne todėl, kad šiuo pjūviu gali būti paašikinta visa turtinga ir įvairialypė antikos pasaulėvoka, o kaip tik todėl, kad norima parodyti, kad puikybės recepcija – tai ne momentinis veiksmas, o kultūrinis procesas, įtraukiantis daugybę detalių ir galintis būti labai įvairus. Nurodyti pagrindiniai antikinės recepcijos akcentai gali būti naudojami, analizuojant kitus antikos kūrinius.

Krikščioniškoji puikybės recepcija pristatoma, remiantis *NT* tektais. Tiesa, nuodugni analizė reikalauja ir *ST* tyrimo, tačiau tokiu atveju šis darbas įgautų visai kitą, teologinį, o ne literatūrologinį pobūdį. Tad pristatant esminius krikščioniškosios moralės aspektus, į *ST* tradiciją nukrypstama tik tiesioginių aliuzijų atveju. Šventojo Rašto įtraukimas į šią disertaciją atrodo būtinas, kadangi tik jame puikybė pristatoma ne tik kaip socialiai netoleruotinas reiškinyš ar žmogų užvaldanti aistra, o kaip *nuodėmė*. Šventojo Rašto ištraukos naudojamos ir teoriniame skyriuje, pristatant puikybės raidos kelią.

NT etika netiesiogiai rutuliojama ir Vaižganto palikime. Jo veikėjai – dori katalikai, jiems gerai žinoma evangeliškoji moralė, tačiau jai yra dažnai nusižengiama. Analizei pasirinkta grožinė Vaižganto kūryba, daugiausia chrestomatiniai jo kūriniai: *Pragiedruliai* (1918–1920), *Išgama* (1929), *Nebylys* (1930) ir kt. Juose veikėjų portretai yra psichologiškai ir jausmiškai pilni, ne tokie schematiški, kaip ankstyvojoje prozoje, tad ir analizei atrodo labiau tinkami.

Puikybės apibrėžimas. Visas pasijų analizes Greimas pradėdavo nuo žodyninio apibrėžimo semiotinio nagrinėjimo, kadangi „leksemų aprašymai gali taupiu būdu sudaryti numatymo modelius paskesnei diskursyvinei analizei“⁶⁸. Trumpuose žodyniniuose apibūdinimuose yra taupiai sukaupta kultūrinė nacionalinė patirtis, kurią išskleidžiant įmanoma atkurti pateminius procesus. Taip pat žodynuose, ypač pasijų aprašymuose, neretai susiduriame

⁶⁸ Greimas 1989, 360.

su moralizacijos elementais, todėl įmanoma atkurti ne tik pasijos modelį, bet ir stebinčiojo aktanto poziciją. Tad po darbo su žodynais išskirtas modelis gali tapti pagrindu tolesniam pasijos tyrimui.

Reikia pripažinti, kad lietuvių aiškinamieji žodynai nepateikia pakankamai informacijos. Puikybė apibrėžiama per sinonimus (išdidumas, pūtimasis⁶⁹), nepateikiant jokio platesnio komentaro, o pirminė žodžio *puikybė* reikšmė apskritai yra siejama su grožiu, gražumu, o ne su savęs iškėlimu⁷⁰. Kiek detalesnis yra žodžio *išdidus* aiškinimas: „1) jaučiantis savo vertumą, pranašumą; 2) žiūrintis į kitus su panieka, puikus“⁷¹. Šis apibrėžimas leidžia nubrėžti dvi santykių kryptis: santykį su *savimi* ir santykį su *kitu*. Kitų kalbų žodynuose taip pat išskiriamas šis dvilypis santykis, įtraukiant dar ir *pertekliaus* semą, pvz.: „Puikybė [гордыня] – pernelyg didelis išdidumas [непомерная гордость]“⁷², o išdidumas – tai „1. Savigarba, savigarbos jausmas. 4. Išdidybė [высокомерие], pernelyg gera nuomonė apie save [чрезмерно высокое мнение о себе], pūtimasis (šnek.) [спесь (разг.)]“⁷³. Tas pats randama ir skirtinguose anglų⁷⁴ ir prancūzų kalbos⁷⁵ žodynuose.

⁶⁹ Žr. *Lietuvių kalbos žodynas*, red. Z. Jonikaitė, Vilnius: Mokslas, 1976, 10 tomas, 851; *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, IV leidimas, red. Stasys Keinys, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2000, 627.

⁷⁰ *Lietuvių kalbos žodynas*, 1976, 10 tomas, 851; *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, 2000, 627.

⁷¹ *Lietuvių kalbos žodynas*, 1957, 171.

⁷² Сергей Ожегов, *Словарь русского языка*, под ред. Н. Ю. Шведовой, Москва: Русский язык, 1988, 113; Ефремова: Современный толковый словарь русского языка, под ред. Т. Ефремовой, Москва: АСТ, 2006, [дата просмотра 2015-03-17]. <<http://www.slovopedia.com/15/192-0.html>>.

⁷³ Ožegov 1988, 113.

⁷⁴ Pavyzdžiui: „išdidumas [*pride*]. Savigarba [*Respect for yourself*]. 3. Pagarbos sau pajautimas [*The feeling of respect that you have for yourself*]. 4. Pajautimas, kad esi geresnis ar svarbesnis už kitus [*The feeling that you are better or more important than other people*]“: *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, chief Editor Sally Wehmeier, 7th edition, Oxford University Press, 2005, 1196.

⁷⁵ Pavyzdžiui: „Puikybė [*l'orgueil*] – perdėtas [*très avantageuse*] tikėjimas [*opinion*] išskirtine [*exagérée*] savo asmens verte [*sa valeur personnelle*], nepaisant to, ką apie tai mano kiti“: *Le Petit Robert: dictionnaire de la langue française*, Paris, 1992, 132).

Taigi žodyniniai apibrėžimai leidžia pamatyti trinarę puikybės schemą, kurioje dera euforinis santykis su *savimi*, disforinis santykis su *kitu*, jiems (ar vienam iš jų) pasižymint *pertekliumi*. Tai gana plati schema, įtraukianti į save skirtingas išdidaus elgesio variacijas, bet kartu apibrėžianti analizuojamo reiškinių ribas.

Darbo naujumas ir aktualumas. Darbo naujumą lemia du aspektai. Pirma, tai metodo naujumas. Nors pasijų semiotika jau yra gana paplitusi, ji vis dėlto retai taikoma kryptingai, dažniausiai ji pasitelkiama kaip pagalbinis antraeilis metodas. Antra, pats puikybės fenomenas dar nebuvo plačiai tyrinėtas kultūrologiniu požiūriu, todėl galima kalbėti apie objekto naujumą. Puikybės tyrinėjimų iš semiotinės perspektyvos Lietuvoje dar nėra. Darbe norima žengti pradinius žingsnius šios pasijos analizės link.

Išvados. Šioje disertacijoje sukurtas semiotinis mechanizmas puikybės pasijos fenomenui literatūroje tirti. Pasitelkus pasijų semiotiką bei taikant ją chronologiniu ir aksiologiniu požiūriu skirtingiems tekstams, pavyko ne tik išryškinti analizuojamo reiškinių specifiką skirtingų kultūrų tekstų pluoštuose, bet ir pamatyti tai, kas išlieka bendra.

Tiriant puikybę iš pasijų semiotikos perspektyvos, pristatytos Greimo ir jo mokinių įvestos pagrindinės sąvokos, parodyta, kad puikybė susideda iš trijų pagrindinių komponentų – santykio su *savimi*, santykio su *kitu* ir pertekliaus, – kurių kombinacijos gali sudaryti skirtingus puikybės raiškos variantus: nuo liguistos gėdos iki šėtoniškosios puikybės. Šis trinaris puikybės branduolys, skirtingai nuo makrosekvencijos, gali būti laikomas universaliu, jis aiškiai funkcionavo visuose ištirtuose tekstuose.

Greimo ir jo mokinių pasijų semiotikos mechanizmą disertacijoje pritaikius Biblijos ištraukai (Pr 3.1–6) tirti, aprašytas palapisnis puikybės radimasis ir parodyta, kad puikybė turi kognityvinę pagrindą, t.y. jos pirminis impulsas – tai ne kūno pojūčiai, o sąmonės procesai. Puikybė užgimsta nuo tam tikro *tikėjimo* / *žinojimo*, žadančio subjekto išskirtinumą. Šis išskirtinumas klaidingai tapatinamas su pilnatve, ontologiniu išsipildymu, ir tai atveria kelią puikybės formacijai: pasija pradeda įgauti tensyvumą bei modalinę formą. Teorinis skyrius baigiamas makrosekvencijos, t.y. modalinį pasijos kelią fiksuojančios schemas, konstravimu.

Kuriant puikybės makrosekvenciją, suabejota šios schemos Greimo ir Fontanille suvokimu, kaip objektyviu pasijos fiksavimu. Prieita prie išvados, kad makrosekvencija, kaip kultūrinė duotybė, atspindi ne tiek pačią pasiją, kiek jos modalinį išsidėstymą konkrečioje kultūroje. Tiriant puikybę antikinėje kultūroje, ši įžvalga pasiteisino: puikybės sampratos ir jos fenomeno analizė antikinėje literatūroje parodė, kad ši kultūra remiasi unikalia aksiologine sistema, tad „antikinei“ puikybei negalioja teorinėje šio darbo dalyje sukurta puikybės makrosekvencija.

Ištyrus puikybę antikinėje kultūroje, nustatyta, kad puikybės samprata neatsiejama nuo kolektyviškumo dimensijos, tai visuomenės darnai pavojinga yda. Puikybe antikoje vadinami ne tik konkretūs savimylės atvejai, bet ir viskas, kas siejama su bendros harmonijos ardymu: savo vietos sociume nepaisymas, socialinių normų paminimas, akiplėiškas elgesys ir pan. Taikant pasijų semiotikos prieigas, detalai aptarti puikybės ypatumai antikinėje kultūroje. Nustatyta, kad antikiniam universume puikybe laikomas *nemokėjimas būti*, (ne)sąmoningas kosmoso normų atmetimas. Kosmosas antikiniam mąstyme yra visur ir yra viskas (panteistinė pasaulėjauta), tad bet koks nusižengimas negiamai atsiliepia bendrai darnai.

Aktyvus stebėtojo vaidmuo antikinėje kultūroje leido įsigilinti į sensibilizacijos ir moralizacijos procesus: darbe praplėstos Greimo ir Fontanille *Pasijų semiotikoje* pateiktos pastabos, aptarta šių procesų sandara. Prieita prie išvados, kad sensibilizacija atitinka klasikinę komunikacinę schemą, tik vietoje kalbinio kodo pateiktas pateminis kodas, nuskaitomas iš modalinio pertekliaus. Taigi pasijos kodo nuskaitymas visada yra subjektyvus ir nemaža dalimi priklauso nuo stebėtojo kompetencijų. Šiame darbo skyriuje pateiktos įžvalgos buvo susistemintos makrosekvencijos schemeje.

Krikščioniškųjų tekstų analizė atskleidė, kad į puikybę žvelgiama per Dievo ir žmogaus santykių prizmę. Todėl krikščionybėje puikybė įgauna transcendentinį matmenį, kadangi paliečia ne tik santykių horizontalę *žmogus–žmogus*, bet ir vertikalę *žmogus–Dievas*. Krikščioniškoji antropologija supranta žmogų kaip Dievo atvaizdą, tad bet kas, kas iškraipo šį tobulą kūrinį moralizuojama itin neigiamai. Puikybė suvokiama kaip viena iš baisiausių nuodėmių, kadangi griaua sveiką asmenybę bei nutolina žmogų nuo amžinosios gyvybės, jam pačiam to nesuvokiant.

Darbe pateikiama krikščioniškojo pasijos analizės kelio pavyzdžių. Parodyta, jog visų nuodėmių bendra šaknis – tai savimyla, kuri skyla į tris pagrindinius nuodėmių tipus: akių geismą, kūno geismą ir gyvenimo puikybę. Paaiškėja, kad visose nuodėmėse esama savimylės elementų, kadangi bet kokia nuodėmė – tai *savo* poreikių tenkinimas, atmetant *kitą* ir / arba Dievą.

Aptariant pasijos radimasi krikščioniškuoju požiūriu, vėl analizuota Senojo Testamento ištrauka (Pr 3.1–6), tačiau dabar – iš krikščioniškosios perspektyvos. Tai leido ne tik parodyti puikybės tapsmo subtilybes, bet ir atlikti semiotinės bei asketinės schemų palyginimą. Prieita prie išvados, kad jos yra panašios savo dinamika (t.y. ir viena ir kita vaizduoja stiprėjantį subjekto pasidavimą pasijai), tačiau skiriasi etapų suvokimu. Semiotika žiūri į pasiją kaip į *naują* besiformuojančią reikšmę ir suvokia ją kaip evoliuciją, o asketika supranta ją kaip degradaciją, kaip Dievo atvaizdo iškreipimą žmoguje, nurodo į žmogaus transformacijas, pasiduodant nuodėmei (keičiasi jo gebėjimas *norėti*, pažeidžiama valia, paveikiama sąmonė ir pan.).

Darbe buvo atlikta ir kitų Šventojo Rašto vietų analizė – pristatytas puikybės suvokimos Senojo Testamento pasaulėvaizdyje, palyginta su Naujojo Testamento aksiologija. Parodyta, kad puikybė neapsiriboja vien tik savęs iškėlimu, bet gali turėti daugybę pavidalų, be to, glaudžiai susijusi ir su kitomis nuodėmėmis – pykčiu, neapykanta, pavydu ir kt. Ydingu laikomas ne tik išorinis poelgis, bet ir vidinis nusiteikimas, kadangi jis taip pat nutolina žmogų nuo Dievo, griaua šventumą pačiame žmoguje. Naujajame Testamente parodoma Dievu tikinti bendruomenė (arba, tiksliau, bendruomenės dalis – fariziejai), laukianti išganymo ir besilaikanti Įstatymo. Tačiau puikybės nuodėmė nedingo, ji tapo subtilesnė, nebe tokia ryški. Ji pažeidžia santykį su *kitu*, išiskverbia į patį tikėjimą, nepastebimai pakeisdama tikėjimą Dievu tikėjimu savimi.

Paskutinėje darbo dalyje „Puikybė Vaižganto palikime“ ankstesnėse dalyse atrasti puikybės pasijos mechanizmai taikyti lietuvių autoriaus kūrinių analizei. Buvo nustatyta, kad šio autoriaus tekstuose jungiamos skirtingos puikybės recepcijos perspektyvos. Vaižganto fikcinio pasaulio veikėjai, kad ir būdami iš išorės geri katalikai (kas sėkmadienį važiuoja į bažnyčią, žino svarbiausias šventes, laikosi gavėnių ir pan.), dažnai gyvena pagal priešingą logiką. Jiems svarbiausia yra šlovė, pinigai, uždarbis, galimybė pasididžiuoti prieš kaimą, labiau vertinami išoriniai,

o ne vidiniai dalykai. Garbė, šlovė ir materialinė gerovė dažnai sudaro Vaižganto veikėjų aksiologinio tinklo pagrindą. Prieita prie išvados, kad Vaižganto kūryboje vaizduojama kolektyvinė gyvenimo plotmė, iš vienos pusės, yra tradicijų išsaugojimo garantas bei apsauga nuo socialinių nusizengimų, tačiau, iš kitos pusės, būtent ji sudaro terpę puikybei ir tuščiagarbystei vystytis. Taip pat kolektyvinė sąmonė neapsaugo subjekto nuo dvasinio puolimo, kadangi koncentruojasi labiau ties išoriniu atitikimu normoms.

Vaižganto tekstų analizė atvėrė ir papildomų puikybės aspektų. Tirant buvo pastebėti subtilesni puikybės aspektai, besireiškiantys kasdienybėje, metodologiškai neparuoštam žvilgsniui sunkiau fiksuojami. Vaižganto kūryboje vyrauja smulkios puikybės apraiškos: egoizmas, savanaudiškumas, pasipūtimas ir kt. Įsigilinus į simuliakrų vaidmenį puikybės formacijoje, pastebėta, kad simuliakrai yra labai dažnas ir galingas tyrinėjamos pasijos elementas. Pasijai pasidavusio subjekto sąmonė yra stipriai transformuojama, aktualizuojamas *tikėjimas* simuliakrais. Itin disforiškai, dažnai agresyviai suvokiama bet kas, kas griaua šias subjekto sukurtas vizijas.

Puikybė, kaip ją vaizduoja Vaižgantas, nebėra *įvykis*, prie jos priprantama, ji nepastebima, o kartais tampa teigiama gyvenimo dalimi. Taip pat jo tekstuose itin gerai matomi visi trys krikščionybėje išgryninti nuodėmės tipai – tiek akių geismas, tiek kūno geismas, tiek konkrečiai puikybė. Šio autoriaus kūriniuose atskleidžiama ir tai, kad bet kokia yda turi polinkį progresuoti bei prisitraukti kitas nuodėmes. Vaižganto tekstų tragizmas – tai gero, doro žmogaus dvasinis žlugimas bei kitų žmonių išitraukimas į nuodėmės voratinklį.

Taigi darbe į puikybę pasižiūrėta iš kelių perspektyvų, atskleidžiant skirtingus jos aspektus. Puikybė vienareikšmiškai suvokiama neigiamai – jos pavojus yra tiek socialinis, tiek psichologinis, tiek dvasinis.

Disertacijoje formuluota mintis, jog puikybės tyrimas yra naujoviškas, tiek metodologiniu, tiek kultūrologiniu požiūriu. Daug kas liko nepaliesta: tolesnėje perspektyvoje lieka puikybės tyrimas psichosomatinio aspektu, skirtingų puikybės apraiškų lyginamoji analizė, puikybės sensibilizacijos ir moralizacijos variacijos skirtingose epochose ar kultūrose. Atrodo, kad apskritai pasijų ir konkrečiai – puikybės – analizė yra naudinga kultūrologiniu, socialiniu požiūriu ir turėtų būti tęsiama.

Disertacijos tema publikuoti moksliniai darbai:

Murašova K., „Puikybė Biblijoje“, *Baltos lankos* 36, Vilnius: Baltos lankos, 2012, 104–124. ISSN: 1392-0189.

Murašova K., „Puikybė intersubjektiniuose santykiuose“, *Res humanitariae* XIV, Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 2013, 70–87. ISSN: 2538-922X.

Kazarinova, K. „Kito įvaizdis Simono Daukanto „Būde senovės lietuvių, kalnėnų ir žemaičių““, *Res humanitariae* XIX, Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 2016, 214–228. ISSN: 1882-7708.

Kazarinova, K. „Nuopuolio gramatika“, *Semiotika* 13, Vilnius: A. J. Greimo centro studijos, 2017, 35–57. ISSN 2424-547X.

Kazarinova, K. „Puikybės formos Vaižganto *Pragiedruliuose*“, *Colloquia* 44, Vilnius: LLTI, 2020, ISSN 1822-3737 [priimtas spausdinti].

Mokslinėse konferencijose skaityti pranešimai ir viešos diskusijos disertacijos tema:

„Požiūris į krikščionybę S. Daukanto *Būde senovės lietuvių, kalnėnų ir žemaičių*“, nacionalinė konferencija *Simonas Daukantas ir pirmoji lietuvių kultūros istorija*, 2015 m. gruodžio 12 d. Skuodo meno mokykla.

„Puikybė Juozo-Tumo Vaižganto grožinėje kūryboje“, nacionalinė konferencija *Juozas Tumas-Vaižgantas – lietuvių kultūros spiritus movens*, 2019 m. spalio 11 d. Kaunas, Maironio muziejus.

Dalyvavimas „Semioture“, vykstančiame 100 metų nuo A. J. Greimo gimimo konteste: dalyvauta LEU, VGTU ir VDU atvirose paskaitose, skirtose semiotikai pristatyti. Paskaita LEU: 2017-04-05. Paskaita VGTU: 2017-04-25. Paskaita VDU: 2017-05-16.

Dalyvavimas radijo laidoje *Literatūros akiračiai*, skirtoje semiotikai.

Nuoroda į laidą:

(http://www.lrt.lt/mediateka/irasas/1013671902/literaturos_akiraciai_2017_07_09_16_03).

Trumpai apie autorių

Ksenija Kazarinova (Murašova) gimė 1988 m. vasario 5 d. Klaipėdos universitete 2010 m. baigė studijų programą Rusų filologija ir lietuvių kalba. 2012 m. baigė magistro studijas Vilniaus universiteto A. J. Greimo semiotikos ir literatūros teorijos centre. Nuo 2012 m. dirbo Klaipėdos universitete Literatūros katedroje, dėstė Literatūros teoriją, vedė Antikos literatūros seminarus. Nuo 2014 m. iki 2020 m. studijavo Klaipėdos universitete Vytauto Didžiojo universiteto su Klaipėdos universitetu, Šiaulių universitetu ir Lietuvių kalbos institutu jungtinėje doktorantūroje. 2014–2017 metais studijavo ir baigė Maskvos šv. Tichono universitete specialybę „Teologija“.

Ksenija Kazarinova reiškėsi literatūros konferencijose, dalyvavo projekte „Semiotūras“, skaitydama pranešimus, buvo pakviesta į radijo laidą „Literatūros akiračiai“.

Klaipėdos universiteto leidykla

Ксения Казаринова
СЕМИОТИКА ГОРДОСТИ
Резюме докторской диссертации

PUIKYBĖS SEMIOTIKA
Daktaro disertacijos santrauka

Klaipėda, 2020

SL 1335. 2020 07 01. Apimtis 2,75 sąl. sp. l. Tiražas 32 egz.

Išleido ir spausdino Klaipėdos universiteto leidykla, Herkaus Manto g. 84, 92294 Klaipėda
Tel. (8 46) 398 891, el. paštas: leidykla@ku.lt; interneto adresas: <http://www.ku.lt/leidykla/>